

Хроники Аальхарна

Антон и Лариса
ПЕТРОВИЧЕВЫ

ОХОТА
НА ЛЬВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос = Рус)6-44
П30

Серия «Хроники Аальхарна»

Художник *Оксана Ветловская*

Дизайн: *Юлия Межова*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Петровичевы, Антон и Лариса

П30 Охота на льва / Антон и Лариса Петровичевы.— Москва:
АСТ, 2014.— 378 [2] с.— (Хроники Аальхарна).

ISBN 978-5-17-087522-1

Шани достиг наивысшего в этом мире — он стал императором. Его народ лишь за несколько лет прошел путь веков, и впереди, казалось бы,— только процветание и благоденствие. Но не все благодарны новому правителю, многие мечтают о возвращении во времена невежества и мракобесия, времена, когда правил страх.

А из иного мира приходит весть — Земля не забыла изгнанного ею когда-то мальчика.

Она хочет вернуть Шани.

Захочет ли вернуться он?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44

© Антон и Лариса Петровичевы, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1

ДИРИЖАБЛЬ

Бургомистр Заполя не успел вовремя отправить в столицу телеграмму по случаю празднования Амьенской победы и написал: «Государь, третий день пьем во славу виктории¹ нашего оружия!» Из столицы пришел ответ: «Пора бы и перестать».

*Стецько Клер. История Аальхарна
в мифах, легендах и анекдотах*

Летнее утро выдалось изумительно свежим, ясным и солнечным. Умытая ночным дождем столица словно плыла в легком воздухе, пропитанном ароматом цветущих фруктовых садов, а в прозрачно-голубом небе не было ни облачка. Главный государственный инженер Владко Пышный, прищурившись, посмотрел в небо, затем прикинул направление и силу ветра и довольно улыбнулся: отличный день! Погладив тугой шершавый бок пузатого дирижабля, окрашенного в государственные цвета — белый и синий, он обернулся к пилотам и спросил:

— Готовы?

Пилоты белозубо ему улыбнулись и отдали честь.

— Готовы, господин главный инженер!

Дирижабль казался живым существом — большим, теплым, обтянутым живой горячей кожей.

---

¹ *Виктория* — победа (*устар.*).

Пышный чувствовал, что у него сердце замирает от гордости и тревоги. На испытательном полигоне все прошло прекрасно, но первый государственный запуск — это вам не шутки. Хотя погода ему благоволит, а пилоты знают о дирижабле не меньше него самого. От нахлынувших чувств Пышный прикрыл глаза. Разве мог подумать он, сын неграмотного крестьянина из аальхарнской глуши, что сможет создать такое. Летательный аппарат легче воздуха! Каких-то двадцать лет назад за такую ересь не обинуюсь отправили бы на костер, а родной отец Пышного до сих пор считает сына колдуном и волхвователем, несмотря на государственные награды от инквизиции и фавор самого императора. Однако никакой ереси в этом нет — только знания, голова и руки и невероятное желание учиться и творить. Вот и пожалуйста: дирижабль.

Название для созданного аппарата придумал лично император, заменив им довольно неблагозвучного и, разумеется, неформального пузана. Пышный вспомнил, как спросил о том, что же означает это оригинальное слово, на что император ответил:

— Абсолютно ничего не означает. Просто красивое сочетание звуков,— и в его удивительных сиреневых глазах мелькнула добрая лукавая тень.

Инженер подошел к краю крыши нового Дворца науки и техники и осторожно посмотрел вниз. Там, возле беломраморных ступеней, уже толпились зрители — сверху они казались нарядной цветочной клумбой из-за ярких женских шляпок. Пышный прищурился: кто только не пришел на открытие! Были здесь и молодые академиты из пяти столичных академиев, и армейцы в парадной форме, и роскошно

одетые дворяне, утратившие за последние годы почти все привилегии своего сословия, однако стоявшие в первых рядах, и горожане из простых — и практически у всех на шляпках, лацканах и рукавах ярко сияли металлические брошки или значки в форме шестеренок и приводных колес: следствие повальной моды на науку. Едва ли не четверть столицы собралась на площади Наук и запрудила прилегающие к ней улочки в ожидании очередного торжества просвещенного разума во имя и славу. Пышный сверился с золотой луковкой часов — император, известный своей пунктуальностью, должен был появиться с минуты на минуту, однако, как ни всматривался главный инженер в четкие линии улиц, императорского кортежа на них не наблюдалось.

Пышный выпрямился и еще раз посмотрел на дирижабль. «Круг Заступника» — отличное название! Тем более что аппарат взлетит прямо в небо, к солнцу. Инженер снова подумал, что достиг недостижимого, и услышал вопли радости и ликования с площади. Он посмотрел вниз, и его сердце встрепенулось от восторга и любви — на ступенях дворца Пышный увидел императора. Как всегда, без охраны («Кого мне бояться? — сказал он как-то в приватной беседе.— Я люблю свою страну больше жизни, а того, кого любишь, не боишься»), в привычном плаще из темной кожи, он сделал шаг навстречу своим подданным и некоторое время молча смотрел на них, а затем поднял руку в белой перчатке, призывая их к тишине. Толпа умолкла. Казалось, люди перестали дышать, боясь пропустить хоть слово.

— Друзья мои, братья и сестры...

Он почти физически ощущал их обожание и трепет. Ему чудилось, что безграничная любовь всех этих людей оплетает его пестрыми лентами, и он вот-вот взлетит над площадью. Ступени качнулись под ногами и двинулись в сторону, словно Дворец науки качался на волнах.

Держись, приказал себе Шани Торн, император всеаальхарнский, и волны утихли, вернув его миру стабильность. Он счастливо улыбнулся и продолжал:

— Сегодня у меня и у вас очень важный день. Мы отмечаем несколько торжественных дат. Ровно десять лет тому назад закончилась гражданская война и амьенская интервенция. Внешний враг потерпел поражение и покинул территорию нашей родины, а внутренний никогда больше не осмелится поднять голову.

Люди на площади разразились торжествующими воплями, и в воздух полетели шляпы. Все прекрасно помнили, как после Второго пришествия Заступника разразилась гражданская война, свергнувшая с престола государя Луша, а затем в ослабленный Аальхарн хлынули отборные войска из Амье — якобы для восстановления законной власти, захваченной узурпатором Торном, в действительности же — ради банального расширения своих территорий и захвата соседских ресурсов.

— Планам захватчиков не суждено было осуществиться, — продолжал император. — Вы, мои дети, истинные патриоты, отстаивали свободу и независимость нашей Родины. Враг был повержен!

Люди ликовали так, словно победа и изгнание последнего амьенца произошли не десять лет назад, а вчера. Шани снова поднял руку, призывая к тишине.

— Второй большой праздник сегодня отмечают ученые Аальхарна, верные слуги Заступника и науки. Академии наук Аальхарна пятнадцать лет! Она была открыта в самое трудное время, когда наша молодая империя изнывала под тяжестью войны. Я не побоюсь утверждать, что именно наука и знания привели нас к победе и нынешнему процветанию. Сегодня мы благодарим ученых за создание принципиально новых систем вооружения и скромно склоняем головы перед их знаниями, что дали нам возможность победить и жить далее во благо любимой Родины и Заступника.

Некоторое время Шани молчал, улыбаясь и глядя, как ликующие академики качают на руках своего ректора Амзузу. И было за что: Амзуза разработал паровую машину, которую начали использовать в качестве двигателя, в результате густая сеть железных дорог сократила огромные расстояния и соединила дальние регионы страны, что помогло поднять военную экономику из руин и быстро восстановить страну после войны.

— Поэтому сегодня, в знак горячей признательности и уважения, я передаю Академии наук скромный подарок — этот Дворец, в котором наши ученые смогут продолжить свою работу во имя Отечества.

Толпа действительно стала морем — бушующим, пестрым, неукротимым в своем безграничном восторге. Шани извлек из кармана плаща серебряный ключ и символически вставил его в замочную скважину высоких дверей Дворца. На Земле вроде бы в таких случаях перерезали ленточку, но за давностью лет он мог и не помнить точно. Мрамор ступеней снова качнулся под

ногами; глядя на свои остроносые башмаки из дорогой тонкой кожи, Шани подумал, что стоит на палубе огромного парохода и только в его силах укротить стихию. Он оставил ключ в замке и снова повернулся к народу. Амзузу уже поставили на землю, и он с невероятно довольным видом поправлял штурвал.

— И, наконец, третье, — произнес Шани. — Сегодня ученые и инженеры откроют для нас дорогу в небо. Академия наук и главный инженер Владко Пышный, — Шани прищурился и посмотрел вверх, Пышный поймал его взгляд и радостно замахал с крыши рукой, — создали аппарат легче воздуха. Приветствуйте, друзья мои, радуйтесь — первый аальхарнский дирижабль!

Люди вскинули головы и увидели, как на крыше дворца заворочалась огромная бело-синяя туша — словно живое существо просыпалось и потягивалось, казалось, оно вот-вот довольно заурчит спросонок. Дирижабль медленно оторвался от крыши, внезапно оказавшись легким и грациозным, несмотря на свои размеры, и неторопливо поплыл над столицей. И толпу словно прорвало: все восторженно закричали, стали махать руками пилотам, а в воздух полетели шляпы и цветы.

— Летит! Летит!

— Ура!

— Государю императору слава!

А дирижабль величаво летел над городом, и Пышный смотрел ему вслед, не замечая, что по его щекам катятся слезы. На крыше императорского дворца был оборудован дополнительный шпиль, и причальная команда уже ждала посадки; главный инженер махнул ладонью по щеке и отправился к лестнице — ему

еще надо было миновать толпу и добраться до дворца, чтобы осмотреть причаливший дирижабль и поговорить с пилотами. Люди внизу бились в радостном экстазе: получив возможность прикоснуться к небу и дотронуться до синевы Заступниковых дверей, они ликовали и плакали от счастья.

Возле бокового выхода из здания Пышного аккуратно придерживали за локоть. Обернувшись, он увидел Артуро, личного помощника императора. Тот, как всегда, невозмутимо улыбнулся и произнес:

— Его величество просит прощения за то, что не может сейчас побеседовать с вами: дела государственной важности не терпят отлагательств. Однако сегодня вечером он приглашает вас на частную встречу в Синий зал дворца. Вас будут ждать сразу после первой вечерней молитвы к Заступнику, не опаздывайте.

Пышный почувствовал, как внутри у него все замерло от радости. Удивительный день, прекрасный день! Запуск его детища, встреча с императором — инженер почувствовал, что у него начинает кружиться голова.

— Спасибо,— произнес он.— Спасибо, я не опоздаю...

Артуро согласно кивнул и растворился в толпе, направляясь к императору, который уже спустился к народу и теперь поздравлял всех с праздником и принимал поздравления. Пышный прищурился, пытаясь рассмотреть государя в толпе, но не рассмотрел. Ничего, у него впереди весь вечер.

Когда Шани, наконец, сумел расстаться с восторженными горожанами и занял свое место в карете,

вид у него был довольно растрепанный. Артуро протянул ему кружевной платок и небольшое зеркало, и Шани принялся стирать со щеки алую помаду — хорошенькая светловолосая академитка чересчур пылко поздравляла государя с праздником.

— Вы смелый человек, — хмуро произнес Артуро, когда кортеж тронулся и неспешно поплыл по праздничным бурлящим улицам. — Даже безрассудно смелый. А если бы у кого-то из них был кинжал?

Шани безразлично пожал плечами.

— Но ведь не было же.

— А кольчугу вы по-прежнему не носите.

— Не ношу, — Шани улыбнулся и похлопал помощника по колену. — Ну не ворчите, Артуро. Все в порядке.

Артуро нахмурился и отвернулся к окну. Сейчас он ничем не напоминал белобрысого парнишку-загорянина, которого шеф-инквизитор Торн много лет назад определил в свои ассистенты: за это время Артуро превратился в верного порученца и друга, не раз и не два спасавшего патрону жизнь. Иногда Шани казалось, что личник умеет читать его мысли. И в действительности именно этот суровый мужчина — лихой боец, великолепный знаток медицины, истинно преданный друг — был вторым человеком в Аальхарне.

— Ваше величество, — попросил Артуро, не глядя на императора. — Вы можете исполнить мою личную просьбу?

— Все что угодно, — серьезно ответил Шани.

— Не едите сегодня в Академию на банкет.

Шани подобрался: Артуро не просил бы об этом, не имея достаточных оснований.

— Хорошо. Поедем во дворец. Какова причина? Артуро опустил глаза. Шани подумал, что на Земле его назвали бы гиперсенситивным: интуиция у порученца была просто невероятная, на грани пророчеств и откровений. Чутье никогда его не подводило, и Шани не настаивал на объяснении, что именно случится сегодня — покушение, несчастный случай или несвежие продукты на банкете.

— У меня просто дурное предчувствие, ваше величество,— чуть ли не смущенно произнес Артуро и завел речь о другом: — Кстати, для *частной встречи* все готово. Вас ждут.

* * *

Темно-синяя ночь поздней аальхарнской весны бурлила птичьими трелями и невероятными запахами цветов и трав, обещая теплое долгое лето и богатую плодами сухую осень. Умытые дождем звезды висели низко-низко, словно внимательно вслушивались во все коленца и переливы брачных песен серых пратушей. Человек, вышедший из леса, стоял на обочине дороги и, прикрыв глаза, чему-то улыбался, не замечая, что подол его грубой монашеской рясы давным-давно промок от росы. Человеку было хорошо, словно он только что обрел то, о чем мечтал многие годы.

— Пойдем,— молодая монахиня, неслышно выступившая из-за пышно цветущих кустов браса, похлопала его по плечу.

Монах улыбнулся и кивнул — вместе они пошли по дороге, которая вела в столицу.

— Как ты думаешь, вспышку видели? — спросил монах, когда лес остался далеко позади, старая разбитая дорога стала гораздо приличнее, а на востоке зарумянилась полоска рассвета. — Ночь светлая...

— Могли увидеть, — пожала плечами его спутница. — Но весной тут часто бывают грозы, и, в случае чего, все спишут на них.

— Поверить не могу, — произнес монах. — Мы в Аальхарне.

Женщина промолчала, и монах, заметив, что ее плечи вздрагивают, понял, что та плачет. Он хотел было утешить ее, но внезапно заметил нечто, поразившее его не на шутку.

Дорогу пересекали рельсы.

Грунтовый тракт пересекала железная дорога. Посреди идиллических лужаек и цветущих полей пролегли самые обычные рельсы со шпалами — их скорее можно было бы увидеть где-нибудь в Ясной Поляне, чем здесь. Монах присел на корточки и дотронулся до металла.

— Ты знаешь, что это? — спросил он. Женщина шмыгнула носом, утерла слезу.

— Нет. Никогда такого не видела. А что это?

— Это железная дорога, — монах выпрямился и посмотрел на запад, куда убегало полотно: далеко-далеко, почти у горизонта, сияла зеленая звезда. «Светофор», — устало подумал монах и продолжал: — Это значит, что в Аальхарне есть паровозы. Это значит невероятный скачок науки и техники буквально с нуля. Всего за двадцать лет.

Женщина взяла его за руку, сжала. Монаху казалось, что вот-вот — и у него начнется истерика. Же-

лезная дорога... А космический корабль они тут еще не строят?

— Ну почему же с нуля? — очень мягко промолвила женщина.— Мы оба знаем, кто именно за этим стоит. В конце концов, развитие науки и техники не самое страшное, что могло случиться с Аальхарном за эти двадцать лет.

«Эта наука и техника не принадлежит Аальхарну»,— хотел было сказать монах, но промолчал и двинулся дальше. Также молча женщина отправилась за ним. Ночь постепенно отступала, медленно проявляя сочные краски аальхарнской весны, затихали ночные птицы, и первый утренний ветерок коснулся верхушек трав и лиц идущих.

Железных дорог им больше не попадалось.

Когда солнце поднялось над горизонтом и утро окончательно вступило в свои права, путники наконец увидели город.

После войны столицу отстраивали заново, многое поменялось, однако, покрутившись с полчаса по улицам, монах смог-таки выбрать верное направление. Город просыпался: поднимаясь над витринами магазинов, шуршали ролеты, открывая самые разнообразные товары, извозчики везли первых пассажиров в белосиних щегольских колясках, расходились с ночной смены важные усатые будочники, и дворники в аккуратных зеленых куртках мели мостовые. Монах и его спутница крутили головами, рассматривая великолепные здания государственных учреждений, доходные дома и храмы, которых в столице было не меньше, чем доходных домов. Всюду реяли бело-голубые государственные флаги с золотым кругом Заступника.